

О СЕРЬЕЗНОМ — ОСТРОУМНО И ВЕСЕЛО

Необычайно широкая популярность комедий Жоры Арутюняна на сцене свидетельствует о том, что ему подвластны секреты этого мастерства. Но одно дело — сцена, другое — сборник пьес — представленный на суд читателя, где воочию и во всей полноте предстают особенности искрометного пластичного дарования комедийного писателя. Для Ж. Арутюняна, как для комедиографа, главное — через призму смешного запечатлеть эпоху, извлечь правду и комизм из характеров современных «чудаков и плутов», поставив их в ситуации, наиболее соответствующие образному складу и линии поведения. Как писатель-гражданин, он четко расставляет мишени пороков и зло их высмеивает, а комедийный дар помогает ему счастливо избежать дидактизма и назидательности.

Жора Арутюнян не злоупотребляет комедийной ситуацией, его лучшие пьесы — это комедии характеров. Для этого достаточно вспомнить комедию «Казар идет на войну». А водевили, такие, как «Большой № 199», «Губная помада № 4», «Свидание» и другие — это находчиво и изобретательно найденные и непринужденно разработанные комические ситуации, в которых раскрываются и высмеиваются карьеризм, тщеславие, тупоумие, ревность и другие человеческие слабости и предрасудки. Мы беззаботно и весело смеемся, когда герой водевиля «Губная помада № 4» Саркис Аюпян выговаривает своему соседу, что ревность в наше время постыдна и дика, а несколько часов спустя полагает в комическую ситуацию, по ошибке приревновав свою жену к случайно появившемуся в квартире гостю.

Но вот другой водевиль, «Большой № 199», неожиданно открывает нам гораздо менее безобидные грани человеческой натуры, и уже далеко не только смех вызывает у нас псевдоученый психиатр Манташян, который в угоду убогой схеме своей диссертации

атрицать в психиатра собору лечебницу женского и детского человека. Нетрудно издать даже в эссе этого жени «геро-карьеристов» науки и подхалимов.

По существу, севилем в лучших традициях жанра можно считать комедию «Невеста с севера», изданную по киноэкрану. Здесь слово искрометно, остро, образные характеристики метки и рельефны, а конфликтная ситуация, связанная с женитьбой героев разных национальностей, очень быстро разрешается по-вольному весело и непринужденно.

В комедиях Арутюняна в точном понимании жанра характеры становятся более разработанными и объемными, диапазон сатирического осмеяния расширяется, серьезные становятся художественные обобщения. Так Казар — это не просто счастливо найденный комедийный образ, с его помощью в пьесе разоблачается целый период авантюрного правления дашнаков. «Ситуация Казара» — простого армянского крестьянина, которому в пьесе суждено было стать сперва невольным образцом красного патриотизма, а затем и подлинного — яркого и сатирически остро проявляет убожество и чуждость народу дашнацких правителей, спекулятивность и ничтожество их политики, зловещий смысл и, в конечном счете, смехотворность возложенной на себя миссии «спасителей нации». Деревня Казара разорена, угоняют последнюю скотину, народ бедствует, а маузеристы пируют под зурну. «Да разве после вас что-нибудь останется для бедной нации!» — резонно замечает Казар, которому сообщают, что по «приказу офицера он должен стать добровольцем».

Образ Казара в пьесе изображен в эволюции национального самосознания. Постепенно армянский крестьянин уясняет для себя, какой противоположный смысл вкладывают большевики и дашнаки в понятие «освобождение нации», и становится на сторону большевиков, потому что на их стороне прав-

да и справедливость. Но постигает он эту правду не умозрительно, а в жизненных ситуациях, убедившись, что именно большевики защищают его кров и семью, а значит, и его родину.

Комизм в этой пьесе постоянно и очень удачно извлекается из простодушия смешного, связанного с образом Казара (вспомним, как полковник пытается расшифровать в нем известного одесского разведчика), из несоответствия видимого и существующего и, наконец, и массы недоразумений, нелепостей и абсурдных ситуаций, изобретенных нанизываемых автором. Чем более оглушенными низменными представлениями в комедии зло и зло высмеиваемые дашнаки, тем четче вырисовывается правда казаров почувствовавших себя хозяевами земли, утверждаемых идеал автора. Здесь этот идеал еще воплощается полностью в герое комедии, как происходит этого и в «Пороке сердца», где отрицательные персонажи — Вачаг Порсугян, Арташес Тертерян, колхозник Гвидон и другие — скачались гораздо живее, выразительней и активней, нежели Грайр Сароян и его единомышленники.

В этом отношении «Порок сердца» весьма типичная комедия, ибо преимуществ жанра, если можно так выразиться, «работают» и отрицательных героев с жесткой сатиричностью и острой характеристикой носителя бюрократизма, рвачества и прочих пороков, а добро побеждает не в результате столкновения, ошибки принципов, как бы случайно, с помощью записанного на магнитофон разговора. Так, чрезвычайно колоритна фигура Гвидона, хвастающегося, что был революционером и «четыре раза подковыливал коня Буденного», а на самом деле следующего программой: «днем воду таскать, а ночью — колхозное добро».

Подлинно положительного героя драматургия Арутюняна обретает в пьесе «Перекресток», и в целом существенно отличающейся от предшествующих комедий. Автор справедливо называет ее не комедией, а драматической историей, хотя в пьесе и мно-

го подлинного юмора, комедийных положений, остроумия.

Ж. Арутюняну удается создать в этой пьесе образ человека большой душевной щедрости и обаяния. Былший военный врач-фармацевт Вардан Адамян — человек, живущий для других людей в полном значении этого понятия. И делает он это настолько ненавязчиво, без всякой аффектации и самолюбования, так начисто лишен назидательности и сухого морализаторства, что его образ можно отнести к несомненной удаче автора.

Заявленная уже в «Пороке сердца» жизненная программа компромисса и приспособленчества («надо улыбаться одним и покрывать на других») находит своего истинного антипода в кодексе чести, исповедуемом Адамянном. Не афишируя своих взглядов и принципов, он самоутверждается, отстаивая справедливость и делая добро людям, его окружающим. Деликатно и ненавязчиво Адамян помогает совсем незнакомой ему женщине Анне и геологу Микаелу Абалян, дворнику Мушегу и студентам, армянину из Америки Овсепу Мансуряну и молодому жено Асмик с Овиком. Только после смерти этого богатого душевным теплом человека живущие у него студенты узнают, что мизерная плата за квартиру, которую взимал с них Адамян, аккуратно откладывалась на их же сберкнижки, а Овсеп Мансурян так никогда и не узнает, что Вардан Адамян из сострадания назывался его так долго разыскиваемым братом.

Конфликт между дворником Мушегом и Санамьяном, собственно, трудно назвать локальным конфликтом между подчиненным и начальником. Он понимается шире, как полярная противоположность двух мировоззрений — санамьяновского, чуждого социалистическому образу жизни и морали, где шкурничество и карьеризм возводятся в законный жизненный принцип, — и адамянского с его непоколебимым убеждением, что с руководителем коммуниста спрашивается вдвойне, что совесть, порядочность, человечность — главные, необходимые каче-

ства руководящего работника. Адамян справедливо общается то зло, которое происходит от санамьянов: «Если Мушег плохо подметает улицу, если пекарь плохо печет хлеб, люди ругают этого подметальщика и этого пекаря. Но если плох руководитель, люди ругают... власть». Неединичность и опасность этого зла драматург подчеркивает в монологе самого Санамьяна, прозрачно намекающего на то, что и более махровые «шкурники и карьеристы», которые метят на его место, помогли ему избавиться от «рудимента» совести. Отношение героя к санамьянам бескомпромиссно сурово: «Вас и вам подобных я бы сейчас, в мирное время, расстрелял, не колеблясь ни минуты».

Это бескомпромиссность самого писателя, то сатирически остро, то с гражданственно страстной публицистичностью разоблачающего и беспощадно высмеивающего человеческую неполноценность и воинствующее мешанство, приспособленчество и стяжательство. Расстановка сил в пьесе такова, что санамьяновщина осуждается и самим образом жизни, мышления и поведения остальных героев. Достаточно вспомнить обаятельный образ Гаспара, старого сторожа, не расстающегося с «Георгисом Марзпетуни» Мурацана, воплощенного в своем облике черты армянского национального характера, исполненного доброты и справедливости, черпающего в литературе и истории примеры для подражания.

«Перекресток» — драма, но и в ней много юмора, веселой шутки, иронии, розыгрышей, легко и непринужденно встроены диалоги, — угадывается уже знакомый нам стилизованный почерк художника комедийного склада, незаурядного комического дарования. Добавим, что донесен этот комедийный почерк до русского читателя бережно, пластичным и образным языком, благодаря удачным переводам А. Налбандяна, М. Кузаяна и В. Баласана.

Е. АЛЕКСАНИН.
доктор филологических наук, профессор.

*) Ж. Арутюнян. Перекресток. М. «Советский писатель», 1983 г.